

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Сотрудничество в области уголовного правосудия: «горизонтальная» и «вертикальная» модели

Сафаров Н.А.*

Механизм международного сотрудничества в области уголовного правосудия является одним из важнейших составных элементов системы организованного противодействия преступности, которой традиционно уделялось значительное внимание в рамках международного уголовного права. Хотя до самого последнего времени речь в основном шла о взаимной правовой помощи по уголовным делам в сфере двустороннего и многостороннего межгосударственного сотрудничества, учреждение Международных уголовных трибуналов (МУТ) *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде¹, а также постоянно действующего Международного уголовного суда (МУС) привело к формированию принципиально отличающихся от традиционных межгосударственных механизмов юридической взаимопомощи новых юридических механизмов взаимодействия государств с международными уголовными судами².

Специфика процедур создания и функционирования МУТ обусловила специфику режима сотрудничества, применяемого в отношениях трибуналов с государствами в расследовании и разбирательстве дел

* Сафаров Низами Абдуллаевич – к.ю.н., заведующий отделом административного и военного законодательства Аппарата Национального Собрания (Парламента) Азербайджанской Республики, эксперт подразделения по борьбе с терроризмом Управления ООН по наркотикам и преступности.

¹ Schabas W. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. P. 3-46.

² Werle G., Jessberger F. Principles of International Criminal Law. 2005. Cambridge: Cambridge University Press. P. 16-24.

о преступлениях, подпадающих под их юрисдикцию. Хотя по своим юридическим параметрам МУТ *ad hoc* и МУС кардинально отличаются друг от друга, общим аспектом, характерным для всех трех трибуналов, является то, что их функционирование было бы невозможно без эффективного сотрудничества с государствами³. При этом необходимо принять во внимание специфику учреждения трибуналов: если МУТ *ad hoc* были учреждены резолюциями Совета Безопасности ООН на основании Главы VII Устава организации⁴, то МУС, как уже отмечалось, был учрежден в соответствии с международным договором, каковым явился Статут Суда⁵. Это чрезвычайно важная особенность, поскольку она влекла за собой значимые юридические последствия: если в первом случае все государства были обязаны сотрудничать с МУТ *ad hoc*, то положения Статута приобретают обязательную силу только для государств, которые выполняют национальные процедуры по его ратификации⁶. Однако в любом случае без сотрудничества с государствами деятельность МУТ практически была бы сведена к нулю, поскольку данные учреждения не обладали какими-либо органами, способными осуществлять, к примеру, розыск, арест обвиняемых на территориях государств и их передачу МУТ⁷.

Как отмечает Антонио Кассезе, для МУТ сотрудничество с государствами важно в плане эффективности судебного процесса. В отли-

³ См. об этом подробнее: *Knoops G-J. An Introduction to the Law of International Criminal Tribunals: A Comparative Study*. N. Y. 2003; Bassiouni C. *Introduction to International Criminal Law*. N. Y. 2003.

⁴ См., в частности: *De Wet E. The Chapter VII Powers of the United Nations Security Council*. Oxford, 2004. P. 338-345. См. также: *The Charter of the United Nations – A Commentary* / Ed. by Simma B. 2nd ed. Oxford, 2002.

⁵ См. подробнее: *Broomhall B. International Justice and International Criminal Court – Between Sovereignty and the Rule of Law*. Oxford. 2003 P. 415-419; Капустин А.Я. Правовой статус Международного уголовного суда // Российский ежегодник международного права. Спец. вып. СПб., 2003. С. 17-25.

⁶ Необходимо также учесть, что обязательства, вытекающие из Римского статута, подлежат неукоснительному выполнению и со стороны государств, признавших в соответствии с ч. 3 ст. 12 Статута МУС его юрисдикцию. Напомню, что согласно указанной статье в случае, когда требуется признание юрисдикции государством, не являющимся участником настоящего Статута, это государство может посредством заявления, представленного Секретарю, признать осуществление Судом юрисдикции в отношении соответствующего преступления. Признающее государство сотрудничает с Судом без каких-либо задержек или исключений в соответствии с Частью 9 [Статута].

⁷ См. об этом, в частности: *Castelaneta M. La Cooperazione tra Stati e Tribunali Penali Internazionali*. Bari. Cacucci Editore. 2002.

чие от национальных судов международные трибуналы не имеют принудительных органов: без посредничества национальных властей они не в состоянии собирать доказательственный материал, получать свидетельские показания, обнаруживать места, где предположительно были совершены преступления, либо исполнять ордера на арест. Без помощи указанных властей международные трибуналы не в состоянии осуществлять свою деятельность. Это справедливо для всех международных учреждений, которые нуждаются в поддержке государств для того, чтобы быть в состоянии действовать. Однако международные трибуналы более всего нуждаются в подобной поддержке, поскольку их действие прямо направлено на индивидов, проживающих на территориях суверенных государств и находящихся под юрисдикцией последних⁸.

И.С. Марусин обращает внимание на одну из главных особенностей уголовного преследования в органах международной юстиции – все их действия как в ходе предварительного расследования, так и во время непосредственного разбирательства дела совершаются на территории того или иного государства и, следовательно, так или иначе подпадают под его юрисдикцию. Для совершения этих действий органам международной юстиции необходимо по меньшей мере согласие этого государства, а чаще всего – непосредственная помощь его властей, поскольку международные судебные учреждения своим аппаратом принуждения не располагают⁹.

Итак, Международные уголовные трибуналы *ad hoc* по бывшей Югославии (МУТЮ) и Руанде (МУТР) были учреждены Резолюциями Совета Безопасности ООН соответственно 827 от 25 мая 1993 г. и 955 от 8 ноября 1996 г.¹⁰. Действуя на основании главы VII Устава ООН, Совет Безопасности в п. 4 Резолюции 827 (в п. 2 Резолюции 955) по-

⁸ Cassese A. International Criminal Law. Oxford. 2001. P. 355.

⁹ См.: Марусин И.С. Международные уголовные судебные учреждения: Судостроительство и судопроизводство. СПб., 2004. С. 146.

¹⁰ Вопрос о законности учреждения Советом Безопасности ООН трибуналов *ad hoc* не является предметом рассмотрения настоящего исследования. См. об этом подробнее: Alvarez J. Nuremberg Revisted: The Tadic Case // European Journal of International Law. 1996. Vol. 7. No 2. P. 245-264; Greenwood C. International Humanitarian Law and the Tadic Case // European Journal of International Law. 1996. Vol. 7. No 2. P. 265-283; Ratner S., Abrams J. Accountability for Human Rights Atrocities in International Law: Beyond the Nuremberg Legacy. Oxford, 2001; Kerr R. The International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia: An Exercise in Law, Politics and Diplomacy. Oxford, 2004; Mettraux G. International Crimes and the Ad Hoc Tribunals. Oxford, 2005.

становил, что государства должны в полной мере сотрудничать с Международным трибуналом и его органами в соответствии с этими Резолюциями и Уставом Международного трибунала. Как указывалось в докладе Генерального секретаря ООН (*Report of the Secretary General pursuant to Paragraph 2 of Security Council Resolution 808 (1993), including the Statute of the Tribunal*), «решение учредить Международный трибунал на основе главы VII создает обязательства для всех государств по принятию любых мер для осуществления его требований. В практическом смысле это означает, что все государства будут обязаны сотрудничать с Международным трибуналом и будут оказывать ему содействие на всех стадиях производства по делу для обеспечения исполнения требований о помощи в сборе доказательств, заслушивании свидетелей, подозреваемых, экспертов, опознании, установлении местонахождения лиц, вручении документов. Исполнению подлежат также решения, выносимые Судебными палатами, такие как ордера на арест, обыск, передачу либо перевод лиц, и любые другие постановления, необходимые для проведения судебного разбирательства»¹¹. Кроме того, государства должны были принимать в рамках своего внутреннего законодательства любые меры, необходимые для осуществления положений упомянутых Резолюций и Устава, включая обязанность выполнять просьбы об оказании помощи или приказы Судебной камеры в соответствии со ст. 29 Устава МУТЮ (ст. 28 Устава МУТР).

Напомню, что ст. 29 (2) Устава МУТЮ (ст. 28 (2) Устава МУТР) предусматривает необходимость выполнения любых просьб или приказов Судебной камеры, включающих такие действия, как опознание и установление местонахождения лиц, снятие свидетельских показаний и производство действий по собиранию доказательств, вручение документов, арест или задержание лиц, передача либо перевод обвиняемых Международному трибуналу¹².

Как видно из содержания указанных статей, те процессуальные действия, которые они охватывают, за небольшим исключением, типичны для понятия «правовая помощь по уголовным делам», которое определяет сотрудничество между государствами в сфере борьбы с преступностью¹³. Однако уже в самом начале процесса учреждения

¹¹ U.N. Doc. No S/25704. Add.1 (1993). Para. 125.

¹² См. подробнее: *Kerr R.* The International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia. Oxford, 2004.

¹³ См. подробнее: *Милинчук В.В.* Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. М., 2001.

международных трибуналов было ясно, что концепция сотрудничества с МУТ должна отличаться от концепции межгосударственного сотрудничества в уголовно-правовой сфере, поскольку основанные на государственном суверенитете, собственных интересах государств, принципах национальной правовой системы ограничения не могли быть механически перенесены в сферу взаимоотношений государств с международными трибуналами. Существенная важность новой концепции не вызывала сомнений, т.к. в данном случае речь шла не о традиционном взаимодействии государств по уголовным делам, а о сотрудничестве государств с иными субъектами международного права [имеется в виду не с другим государством]. В связи с этим, для того чтобы отграничить механизм взаимной юридической помощи по уголовным делам между государствами от сотрудничества государств с МУТ, необходима была четкая дифференциация различных по своему содержанию процедур. Подобная дифференциация, опирающаяся на юридическую модель «вертикальных» и «горизонтальных» взаимоотношений, как уже отмечалось, была проведена МУТЮ в решении по делу генерала Тихомира Блашкича (*Prosecutor v. Tihomir Blaskic*).

Рассматривая дело, трибунал подчеркнул, что «обычно индивиды, являющиеся субъектами суверенной компетенции государств, могут быть судимы только национальными судами. Если же национальный суд намеревается преследовать лицо, подпадающее под юрисдикцию другого государства, как правило, это основывается на договорах о правовом сотрудничестве (*treaties of judicial cooperation*) либо, если подобных договоров нет, – на добровольном межгосударственном сотрудничестве (*voluntary interstate cooperation*). Таким образом, отношения между национальными судами различных государств являются «горизонтальными» по своей природе. В 1993 г. Совет Безопасности впервые учредил Международный уголовный суд, наделенный юрисдикцией над лицами, проживающими в суверенных государствах, будь то государства [входившие в состав] бывшей Югославии либо третьи страны, дополнительно согласившиеся с приматом Международного трибунала над национальными судами. Тем самым Устав предоставил Международному трибуналу полномочия для того, чтобы обращаться к государствам по широкому кругу судебных действий (включая опознание и установление местонахождения лиц, получение свидетельских показаний, производство по сбору доказательств, вручение документов, арест или задержание лиц и передачу либо перевод

обвиняемых Международному трибуналу). Таким образом, была установлена «вертикальная» связь по крайней мере в части, касающейся судебных полномочий Международного трибунала...»¹⁴. Причем новая терминология («горизонтальные отношения», «вертикальная связь») отражала фундаментальные различия отличающихся друг от друга моделей сотрудничества.

Горизонтальные взаимоотношения между государствами основываются на принципе суверенного равенства государств (*par in parem non habet imperium*)¹⁵. Как уже было сказано, ни одно государство не вправе осуществлять на территории другого каких-либо принудительных действий, связанных с такими процессуальными действиями, как обыски, розыск и аресты обвиняемых, проведение допросов и т.д. Осуществление подобных действий может опираться только на договорно-правовую базу либо согласие государства, выраженное в определенной форме. В связи с этим необходимо учесть, что национальная юрисдикция какого-либо государства не пользуется превосходством над юрисдикцией другого государства. При этом обязанность запрашиваемого государства предоставить помощь в связи с уголовным делом по запросу другого государства безусловна, что является отражением принципа суверенитета, приоритетности национальной юрисдикции и национальных интересов¹⁶.

В отличие от указанного подхода в вопросах преследования преступлений, предусмотренных Уставами МУТ *ad hoc*, их юрисдикция превалировала над юрисдикцией национальных судов, что в свою очередь влекло установление системы сотрудничества, основанной на «вертикальных» отношениях, и обусловило дифференциацию двух самостоятельных моделей: «горизонтального» сотрудничества (*interstate cooperation model*) и «вертикального» (*suprastate cooperation model*)¹⁷.

Несколько отличная от механизма взаимоотношений государств с МУТ по бывшей Югославии и Руанде система сотрудничества была принята в связи с учреждением Международного уголовного суда¹⁸.

¹⁴ Prosecutor v. Tihomir Blaskic. Judgment on the Request of the Republic of Croatia for Review of the Decision of Trial Chamber II of 18 July 1997. Para. 47.

¹⁵ Ibid. Para. 41.

¹⁶ См.: Милинчук В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. С. 64.

¹⁷ Указанную терминологию см.: Cassese A. The Statute of the International Criminal Court: Some Preliminary Reflections // European Journal of International Law. Vol. 10. 1999. No. 1. P. 164.

¹⁸ Oosterveld V., Perry M., McMamus J. The Cooperation of States with International Criminal

Как известно, МУС не обладает каким-либо превосходством по отношению к юрисдикции национальных судов, а функционирует в соответствии с принципом дополнительности (комплементарности)¹⁹. Государства не передают Суду какую-либо часть национального суверенитета, связанную с вопросами ответственности и наказания лиц, совершающих преступления, которые подпадают под юрисдикцию Суда. Согласно ст. 17 Римского статута, Суд может принять дело к своему производству в тех случаях, когда государство *не желает* (*unwilling*) или *неспособно* (*unable*) вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом²⁰.

Юрисдикция МУС распространяется на преступления, совершенные на территории государства-участника или гражданином этого государства²¹. Эта норма вытекает из того факта, что Статут принял форму договора, в отношении которого применяется процедура добро-

Court // Fordham International Law Journal. 2002. Vol. 25. No 3. P. 767-839; *Sadat L.* The International Criminal Court and the Transformation of International Law: Justice for the New Millenium. N. Y., 2002. P. 253-258; *Акулов Д.В.* Юрисдикция Международного уголовного суда и Трибуналов *ad hoc*: Римский статут и Уставы Трибуналов (сравнительный анализ) // Российский ежегодник международного права. Спец. вып. СПб., 2003. С. 168-178.

¹⁹ В отличие от Международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде Суд не обладает исключительной юрисдикцией или приоритетом по отношению к юрисдикции внутригосударственных судебных органов. См. об этом подробнее: *Holmes J.* 'Complementarity: National Courts versus the ICC // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary / Eds. Cassese A., Gaeta P., John R. W. D. Jones. Vol. I. Oxford: Oxford University Press. 2002. Vol. I. P. 667-686; *Williams S.* Article 17 – Issue of Admissibility // Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article / Otto Triffterer (ed.). 1 Aufl. Baden-Baden: Nomos Verl. Ges. 1999. P. 384- 393; *Kleffner J.* The Impact of Complementarity on National Implementation of Substantive International Criminal Law // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1. No. 1. P. 86-113; *Clapham E.* Issues of Complexity, Complicity and Complementarity: From the Nuremberg Trials to the Dawn of the New International Criminal Court // From Nuremberg to The Hague. The Future of International Criminal Justice / Ed. by P. Sands. Cambridge, 2003. P. 20-67; *Benzing M.* The Complementarity Regime of the International Criminal Court: International Criminal Justice Between State Sovereignty and the Fight Against Impunity // Max Planck Yearbook of U.N. Law. 2003. Vol. 7. P. 591-632; *Cameron I.* Jurisdiction and Admissibility Issues Under The ICC Statute // The Permanent International Criminal Court / D. McGoldrick, P. Rowe, E. Donnelly. (eds). Oxford. 2005. P. 65-94.

²⁰ *Lijun Y.* On the Principle of Complementarity in the Rome Statute of the International Criminal Court // Chinese Journal of International Law. 2005. Vol. 4. No. 1. P. 121-132.

²¹ Для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных на территории третьих государств либо их гражданами, согласно ст. 12 Статута МУС, требуется признание юрисдикции Суда.

вольного признания. Учрежденный на договорной основе Суд принимает решения, имеющие силу только по отношению к государствам-участникам. Таким образом, государства договорились о том, что действенность Суда будет обуславливаться признанием его способности вести дела в отношении деяний, совершенных либо на территории этих государств, либо их гражданами²².

Производной от дополнительного характера Суда является система сотрудничества, которую не без оснований называют «смешанной»: она включает в себя элементы как «горизонтального», так и «вертикального» сотрудничества²³. Подобно межгосударственной системе правовой помощи, сотрудничество с МУС опирается на договорную основу (Статут), возлагающую соответствующие обязательства по исполнению запросов Суда только на государство-участника. Именно это обстоятельство является важнейшим отличием МУТ *ad hoc* от МУС, с одной стороны, позволяющим проводить дифференциацию указанных международных судебных учреждений, а с другой – обуславливающим ряд схожих характеристик систем международного сотрудничества и судебной помощи, предусматриваемой ч. 9 Статута МУС, с системой межгосударственной взаимной помощи по уголовным делам. Таким образом, договорный характер сотрудничества с МУС – один из важнейших индикаторов смешанной модели.

Еще одним подтверждением смешанного характера системы сотрудничества с МУС являются отдельные аспекты процедуры передачи лиц. Как и в практике межгосударственного сотрудничества, передача лиц Суду опирается на принцип «специализации».

В отличие от ситуации с МУТ *ad hoc* при наличии коллидирующих запросов о передаче и экстрадиции одного и того же лица запрос МУС автоматически не превалирует над экстрадиционным запросом. В соответствии со ст. 90 (6) и 90 (7) государство самостоятельно решает вопрос, какой из запросов подлежит удовлетворению.

Наличие схожих с межгосударственной системой сотрудничества черт, присущих смешанной модели, проявляется и в том, что, согласно ст. 93, государства-участники в соответствии с положениями ч. 9 Статута и согласно процедурам, предусмотренным их национальным

²² См.: Давид Р. Будущее Международного уголовного суда // Российский ежегодник международного права. Спец. вып. СПб., 2000. С. 55.

²³ Swart B. International Cooperation and Judicial Assistance – General Problems // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary. Vol. II. P. 1594.

законодательством, выполняют просьбы Суда об оказании помощи в связи с осуществлением расследований либо уголовного преследования. Подобная «тональность» имеется и в ст. 88, согласно которой государства-участники обеспечивают наличие процедур, предусмотренных их национальным правом для всех форм сотрудничества, указанных в ч. 9. При чем ст. 88 представляет собой положение, введенное в Статут на Римской дипломатической конференции и являющееся компромиссом, достигнутым для решения критической проблемы, связанной с ч. 9: могут ли нормы о сотрудничестве содержать ссылку на национальное право²⁴. Содержание упоминаемых нами статей Римского статута не оставляет сомнений на этот счет. Кроме того, можно сослаться и на ст. 89 (1), в соответствии с которой для выполнения просьб об аресте и передаче лиц могут быть использованы процедуры, установленные национальным законодательством государств-участников. Надо иметь в виду, что это могут быть процедуры, уже применяемые, согласно внутреннему законодательству, в межгосударственной практике оказания правовой помощи либо принятые специально для осуществления сотрудничества с МУТ.

Следует упомянуть, что подобный подход был ранее использован в практике сотрудничества с МУТ *ad hoc*, хотя система сотрудничества государств с ними и представляла собой типичный пример модели «вертикального» взаимодействия. Так, в Германии все вопросы оказания межгосударственного сотрудничества по уголовным делам и экстрадиции регламентируются Законом об оказании международной помощи по уголовным делам от 23 декабря 1982 г. После учреждения МУТ по бывшей Югославии и Руанде Германия приняла законы о сотрудничестве с ними (соответственно 10 апреля 1995 г. и 4 мая 1998 г.), согласно которым для выполнения просьб о сотрудничестве с трибуналами применяются *mutatis mutandis* соответствующие нормы национального Закона об оказании международной помощи по уголовным делам²⁵. Применение по аналогии норм Федерального закона о

²⁴ См. об этом подробнее: *Meissner J.* Die Zusammenarbeit mit dem Internationalen Strafgerichtshof nach dem Römischen Statut. Munich, 2003 (рецензию на данное издание см.: *Sluiter G.* in *Crim.L.F.* 2003. Vol. 14. No. 4. P. 449-454); *Prost K.* Article 88 – Availability of Procedures under National Law // *Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: Observer' Notes, Article by Article.* P. 1069.

²⁵ См. в частности, § 3 и 4 Закона о сотрудничестве с МУТЮ. См. подробнее: *Stroh D.* Die nationale Zusammenarbeit mit den internationalen Straftribunalen für das ehemalige Jugoslawien und für Ruanda. Springer. 2002.

международной уголовно-правовой взаимопомощи в вопросах сотрудничества с международными трибуналами предусматривает и ст. 2 швейцарского Федерального закона о сотрудничестве с международными трибуналами²⁶.

Использование норм национального законодательства для выполнения запросов (просьб) об оказании помощи – одна из наиболее характерных черт именно межгосударственной системы правовой взаимопомощи. В подтверждение сказанному можно сослаться на ряд международных договоров. Например, Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических и психотропных веществ от 19 декабря 1988 г. в ч. 12 ст. 7 «Взаимная правовая помощь» предусматривает, что просьба о помощи выполняется в соответствии с национальным законодательством запрашиваемой стороны. Схожее положение содержится в ч. 17 ст. 18 Конвенции ООН о борьбе с транснациональной организованной преступностью, согласно которой просьба [об оказании взаимной помощи] выполняется в соответствии с внутренним законодательством запрашиваемого государства-участника и в той мере, в какой это не противоречит внутреннему законодательству запрашиваемого государства-участника, по возможности в соответствии с указанными в просьбе процедурами. Подобные положения можно встретить и в других международных договорах.

Вместе с тем наличие различных по сравнению с межгосударственным («горизонтальным») взаимодействием субъектов сотрудничества обусловило специфику взаимоотношений государств-участников с МУС, предполагающих использование элементов «вертикальной» модели. При этом «вертикальная» модель по ряду аспектов значительно отклоняется от схожей с ней «горизонтальной» (*interstate*) модели. Принципы, лежащие в основе модели «вертикального» сотрудничества, фундаментально отличаются от принципов «горизонтального» сотрудничества²⁷.

²⁶ Arrêté fédéral relatif relatif à la coopération avec les tribunaux internationaux charges de poursuivre les violations graves du droit internationale humanitaire du 21 decembre 1995 (Recueil officiel des lois federales. 1996. 2).

²⁷ *Ambos K.* The International Criminal Court and the Traditional Principles of International Cooperation in Criminal Matters // Finnish Yearbook of International Law. 1998. Vol. 9. P. 413–426; *Shuiter G.* Cooperations with the International Criminal Tribunals for Former Yugoslavia and Rwanda // International and National Prosecution of Crimes Under International Law: Current Developments / Eds. H. Fischer, C. Kress, S.R. Luder. Berlin Verlag Arno Spitz GmbH. 2001. P. 689.

Важнейшей составляющей дифференциации «вертикальной» и «горизонтальной» моделей, как уже отмечалось, является различие в субъектах сотрудничества, которое обуславливает их материальную и процедурную специфику²⁸. С другой стороны, в межгосударственной практике существуют базирующиеся на договорно-правовом фундаменте либо на национальном законодательстве основания для отказа от сотрудничества, которые не могут применяться в практике сотрудничества с международными трибуналами.

Как известно, в современном международном договорном праве существует большое количество двусторонних и многосторонних договоров об оказании правовой помощи по уголовным делам. Опыт использования подобных договоров получил концентрированное выражение в Типовом договоре о взаимной помощи в области уголовного правосудия от 14 декабря 1990 г., принятом Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. Анализ ст. 4 указанного Договора показывает, что, основываясь на принципе государственного суверенитета, запрашиваемая сторона может по ряду оснований отказать в сотрудничестве. Например, в оказании помощи (так же как и в экстрадиции) может быть отказано в том случае, если запрашиваемая сторона рассматривает преступление, в связи с которым сделан запрос, в качестве деяния политического характера. Однако в случае с международными трибуналами мы имеем прямо противоположную ситуацию. Во-первых, Уставы МУТ не предусматривают возможности отклонения просьбы о сотрудничестве вследствие того, что просьба эта касается деяния, расцениваемого запрашиваемой стороной в качестве политического преступления. Во-вторых, что крайне существенно, те деяния, которые подпадают под юрисдикцию МУТ, согласно международному праву и национальному законодательству подавляющего большинства государств, выведены из категории «защищаемых политических преступлений». Например, в той части, которая относится к международному праву, подобная «деполитизация» осуществлена либо в специальных конвенциях по борьбе с отдельными видами

²⁸ См. подробнее: *Warbrick C., McGoldric*. Cooperation with the International Criminal Tribunal for Yugoslavia // *International and Comparative Law Quarterly*. 1996. Vol. 45. P. 947-954; *Swart B., Sluiter G.*, The International Criminal Court and International Criminal Cooperation // *Reflections on the International Criminal Court: Essays in Honour by Adriaan Bos / H.A.M. von Hebel, J.C. Lammers, J. Schukking* (eds). The Hague / L. / Boston, 1999; *Cassese A.* International Criminal Law. P. 357-360.

международных преступлений, таких как Конвенция о предотвращении преступления геноцида и наказания за него, либо в международных договорах об экстрадиции (Дополнительный протокол к Европейской конвенции об экстрадиции). Более того, как отмечалось МУТЮ, в деле *Prosecutor v. Anto Furundzija* применение «исключения политических преступлений» в отношении военных преступлений и преступлений против человечности нарушает императивные нормы международного права (*jus cogens*)²⁹.

Таким образом, в случае просьбы о сотрудничестве с МУТ вопрос характера деяния (политический либо неpoliticalический) вообще не является предметом рассмотрения.

Всего же, согласно Типовому договору о взаимной помощи в области уголовного правосудия, предусматривается шесть оснований для отказа от невыполнения соответствующего запроса, и, кроме того, Договор не исключает возможности использования дополнительных оснований. В отличие от подобного подхода «вертикальная модель» вообще исключает возможность отказа от сотрудничества (в частности, Уставы МУТ *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде) либо сводит его к минимуму (Статут МУС). Например, в соответствии с ч. 4 ст. 93 Статута Международного уголовного суда государство-участник может отказать в просьбе о помощи полностью или частично только в том случае, если просьба касается предъявления каких либо документов или раскрытия доказательств, которые имеют отношение к его национальной безопасности³⁰.

Другим серьезным препятствием для осуществления взаимной помощи, существующим в практике «горизонтальной» модели, является возможность государства по собственному усмотрению ограничить выполнение просьб о сотрудничестве правилом «двойного вменения». Например, Типовой договор ООН о взаимной правовой помощи предусматривает возможность включения в двусторонние и многосторонние договоры указанного правила в качестве основания для отказа от исполнения соответствующего запроса. В связи с этим ряд стран (Болгария, Венгрия, Китай, КНДР, Литва, Молдова, США, Швеция, Эсто-

²⁹ *Prosecutor v. Anto Furundzija*. Appeals Chamber. 10 December 1998. Case No IT95 17/1A. Para. 157.

³⁰ См. подробнее об обеспечении интересов национальной безопасности в процессе осуществления международного уголовного правосудия: National Security and International Criminal Justice / Ed. by H. Roggemann, P. Sarcevic. The Hague, 2003.

ния, Югославия) не оказывают правовой помощи, если преступление, по поводу которого она запрашивается, не является уголовно наказуемым деянием по их законодательству³¹. Согласно ч. 9 ст. 18 Конвенции ООН против организованной транснациональной преступности, государства-участники могут отказать в предоставлении взаимной правовой помощи согласно настоящей статье на основании отсутствия обоюдного признания соответствующего деяния преступлением. В отличие от подобного подхода Уставы МУТ и Статут МУС исключают возможность ссылки на правило «двойного вменения» для отказа от сотрудничества с трибуналами.

Широкий по своему охвату перечень оснований для отказа от оказания помощи характерен не только для международной договорно-правовой практики, но и получил значительное распространение и в национальном законодательстве. Приведем ряд примеров.

Финский Закон об оказании правовой помощи по уголовным делам 1994 г. предусматривает обязательные и факультативные основания для отказа от выполнения запроса иностранного государства. Согласно ст. 12, правовая помощь не оказывается, если это может привести к причинению ущерба суверенитету, безопасности или другим существенным интересам Финляндии либо исполнение запроса противоречит правам человека и фундаментальным свободам или иным образом не соответствует финскому публичному порядку. Относительно факультативных оснований ст. 13 предусматривает шесть случаев, когда запрос может не исполняться. В частности, отказ может иметь место, если просьба о помощи касается политического преступления, либо деяния, предусмотренного военным правом, либо преступления, в отношении которого истек срок давности или имеется акт амнистии. Возможность отказа от выполнения соответствующего запроса охватывает также ситуации, когда запрашивается помощь в связи с деянием, которое расследуется, находится на стадии судебного рассмотрения либо за которое лицо уже осуждено либо оправдано в Финляндии либо в третьем государстве.

Закон Новой Зеландии об оказании правовой помощи по уголовным делам 1992 г. предусматривает ряд оснований, при наличии которых запрос иностранного государства не подлежит удовлетворению. В их числе совершение лицом преступления, рассматриваемого Новой Зе-

³¹ См.: *Милицук В.В.* Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. С. 67.

ландией как политическое деяние; наличие достаточных оснований предполагать, что исполнение запроса приведет к нарушению запрета на дискриминацию лица; оправдание, осуждение, помилование лица; совершение деяния, подпадающего под категорию воинских преступлений; возможность нанесения ущерба суверенитету, безопасности либо национальным интересам страны (ст. 27).

Законодательство Швейцарии (Федеральный закон о международной уголовно-правовой взаимопомощи) позволяет отклонить запрос иностранного государства, если он касается деяния, которое носит в основном политический характер, представляет собой отказ от исполнения воинской повинности, направлено против национальной обороны либо военной мощи запрашивающего государства (ст. 3). Другое основание для отказа от удовлетворения запроса, согласно ст. 5, касается случаев, когда просьба связана с деянием лица, которое оправдано либо в отношении которого вынесено судебное решение о прекращении производства по делу, если назначенное наказание уже было исполнено либо не может быть исполнено по законодательству государства, где оно было назначено.

Уставы МУТ *ad hoc* и Статут МУС подобных ограничений не устанавливают (за исключением случаев, когда речь идет об интересах защиты национальной безопасности, как это предусмотрено в Статуте МУС).

Если «горизонтальное» сотрудничество отражает преимущественно интересы вовлеченных в данный процесс государств, то центр тяжести «вертикальной» модели смещен в сферу обеспечения интересов международного сообщества в борьбе с такими преступлениями, как геноцид, агрессия, преступления против человечности, военные преступления и т.д.³².

В практике межгосударственной взаимной правовой помощи и экстрадиции одним из наиболее серьезных факторов, подлежащих учету и позволяющих в конкретных случаях отказывать в исполнении запросов, является возможное нарушение прав человека (*human rights exceptions*). Отсутствие соответствующих процессуальных гарантий, возможность нарушения права не подвергаться запрещенному обращению, возможность подвергнуться смертной казни и т.д. позволяют

³² См. подробнее: Kreß C., Prost K., Schlunck A., Wilkitzki P. International Cooperation and Judicial Assistance // Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article. P. 1047.

отказаться от сотрудничества с запрашивающим государством в вопросах уголовного преследования и наказания обвиняемых. Причем нередко национальное законодательство устанавливает достаточно жесткие рамки для усмотрения соответствующих компетентных органов, принимающих решение об удовлетворении запроса об оказании правовой помощи. Например, согласно п. «а» ч. 1 ст. 6 уже упоминавшегося нами португальского Закона о международной правовой помощи по уголовным делам, в случае если осуществляемое по конкретному делу производство не соответствует требованиям, предусмотренным Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод либо другими соответствующими международными договорами, запрос о помощи не исполняется. Кроме того, указанная статья предусматривает ряд оснований императивного характера для отказа от удовлетворения запроса о помощи при наличии угрозы нарушения прав индивида.

В отношении сотрудничества с международными уголовными трибуналами указанные исключения применяться не могут, поскольку, во-первых, подобное не предусматривается их уставами; во-вторых, производство по делам о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию МУТ, осуществляется с соблюдением международных стандартов правосудия, что делает излишними опасения в нарушении прав индивидов.

Нормы, гарантирующие права различных субъектов процесса по уголовному делу, предусматривают как Уставы МУТ *ad hoc*, так и Статут МУС.

Прежде всего все три документа обеспечивают право на справедливое судебное разбирательство, которое основывается на ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и схожей с ней ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека. Например, согласно ч. 2 ст. 20 Устава МУТР, обвиняемый при рассмотрении предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство. Схожая формулировка содержится и в ст. 66 Статута МУС³³.

³³ Обстоятельное исследование данного вопроса см.: *Zappala S.* Human Rights in International Criminal Proceedings. Oxford, 2003; *Sluiter G.* International Criminal Proceedings and the Protection of Human Rights // *New England Law Review*. 2003. Vol. 37. No 4. P. 935-948; *McIntyre G.* Equality of Arms – Defining Human Rights in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia // *Leiden Journal of International Law*. 2003. Vol. 16. No 2. P. 269-320; *Henmann R.* Procedural Justice and Human Rights in International Sentencing // *International Criminal Law Review*. 2004. Vol. 4. No. 2. P. 185-210.

Более того, существенное значение международных договоров по правам человека в процессе осуществления правосудия МУТ было неоднократно подчеркнуто по конкретным делам, находившимся в их производстве. Как указывалось МУТР в деле *Prosecutor v. JeanBosco Barayagwiza*, «в докладе Генерального секретаря ООН установлены источники права Трибунала. Международный пакт о гражданских и политических правах является частью общего международного права и может применяться на этом основании [как источник права Трибунала]. Региональные договоры о правах человека, такие, как, например, Европейская конвенция о защите прав человека и Американская конвенция о правах человека, и прецедентное право, выработанное на их основе, являются собой авторитетные источники, которыми можно пользоваться при применении и толковании применимого права Трибуналов»³⁴.

Хотя правозащитный фактор является краеугольным камнем уставов всех трех уголовных трибуналов, для Римского статута МУС характерно более развернутое регулирование в плане обеспечения прав различных категорий лиц (обвиняемых, потерпевших и т.д.), участвующих в процессе производства по делу. В частности, согласно ч. 1 ст. 66 Статута, каждый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в Суде в соответствии с применимым законом. Кроме того, ч. 3 ст. 66 охватывает ряд гарантий прав обвиняемого, основывающихся на фундаментальных гарантиях защиты прав человека, апробированных в международно-правовой практике, таких как право быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который обвиняемый понимает в полной мере и на котором он говорит, о характере, основании и содержании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты, а также свободно сноситься с выбранным защитником в условиях конфиденциальности; быть судимым без неоправданной задержки; защищать себя лично либо через посредство назначенного им защитника; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены; право выдвигать аргументы в свою защиту и представлять иные доказательства, являющиеся допустимыми согласно настоящему Статуту; бесплатно пользоваться помощью квалифицированного переводчика и получать

³⁴ *Prosecutor v. Jean-Bosco Barayagwiza*, Case No ICTR9719AR72. Ap. Ch., 3 November 1999. Para. 40. См. также: *Prosecutor v. Kanyabashi*, Case No ICTR9615T. T. Ch., Decision on the Defense Motion on Jurisdiction. 18 June 1997. Para. 44.

переводы, необходимые для того, чтобы судебное разбирательство отвечало требованиям справедливости для рассмотрения дела в Суде; не быть принуждаемым к даче показаний либо к признанию себя виновным и иметь право хранить молчание и т.д. Указанные и другие предусмотренные Статутом юридические гарантии в совокупности обеспечивают надлежащее функционирование МУС, не допускающее ущемления прав различных групп субъектов при проведении расследования и разбирательства по делу³⁵. Следовательно, сама по себе необходимость обеспечения правозащитного фактора в процессе взаимодействия государств с уголовными трибуналами не может рассматриваться в качестве основания для отказа от сотрудничества.

Не менее важное значение по сравнению с содержательной дифференциацией различных моделей сотрудничества имеет терминологическая разница. Если в контексте межгосударственного сотрудничества используется термин «*взаимная помощь*» (*mutual assistance*) (в частности, Европейская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам, Типовой договор ООН о взаимной правовой помощи в области уголовного правосудия), то «вертикальная» модель использует понятия «*сотрудничество и судебная помощь*» (*cooperation and judicial assistance*) (ст. 29 Устава МУТЮ, ст. 28 Устава МУТР) либо «*международное сотрудничество и судебная помощь*» (*international cooperation and judicial assistance*) (разд. 9 Статута МУС). Не вызывает сомнений, что термин «*взаимная помощь*» отражает интересы вовлеченных в процесс межгосударственного взаимодействия государств, в то время как в отношении сотрудничества с МУТ речь идет о создании необходимых предпосылок для уголовного преследования лиц, виновных в совершении международных преступлений, которое осуществляется от имени международного сообщества государств.

Таким образом, появление новых международных судебных органов, наделенных компетенцией по преследованию лиц, виновных

³⁵ См. подробнее: Schabas W. Article 66 – Presumption of Innocence // Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: Observer's Notes, Article by Article. P. 833-868; Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford, 2001. P. 287-303; Zappala S. The Rights of Accused // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary. Vol. II. P. 1319-1354; Allmand W. The International Criminal Court and the Human Rights Revolution // McGill Law Journal. 2000. Vol. 46. No 1. P. 263; Ambos K. The Right of Non Self Incrimination of Witnesses Before the ICC // Leiden Journal of International Law. 2002. Vol. 15. P. 155-177.

в совершении геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений, обусловило возникновение новых юридических процедур сотрудничества, отличных от тех механизмов, которые использовались в практике оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Cooperation in the Field of Criminal Justice: “Vertical” and “Horizontal” Models (Summary)

*Safarov N.A. **

In order to prosecute crimes under their jurisdictions international criminal tribunals need to provide effective legal assistance to states on matters of arrest and surrender of accused, investigations, production of evidence and etc. Without the help of national authorities international tribunals cannot operate effectively. But at the same time, the mechanisms of cooperation with international courts are based on specific rules, which are closely connected with the mode of establishment of international criminal tribunals, whether on the basis of UN SC Resolutions (ad hoc tribunals) or international treaty (International Criminal Court).

Moreover the establishment of international criminal tribunals (ICT ad hoc and ICC) introduced in international practice new forms of cooperation, which seriously differ from traditional forms of cooperation between states, named as mutual legal assistance in criminal matters. In this regard, the new concept of so-called “vertical” and “horizontal” cooperation, which was introduced by the ICTY Appeals Chamber in the Blaskic subpoena case, was very important for the differentiation of various forms of cooperation. Under the “horizontal” (inter-state) model, the assistance relationships are based on principle of equality of sovereign states (*par in parem non habet imperium*). The “vertical” (supra-state) model implies that cooperation between states and international criminal tribunals fundamentally differs from traditional inter-state cooperation. The “vertical” model does not envisage application of the principle of reciprocity and grounds on which assistance may be refused (ad hoc tribunals) or minimizes the possibility of such

* Safarov Nizami Abdullaevich – Doctor of Laws, Head of Department of Administrative and Military legislation of the National Assembly of the Republic of Azerbaijan, expert of the Terrorism Prevention Branch of the UN Office on Drugs and Crime.

refusal (ICC).

Thus, the present article attempts to analyze main features of both models of cooperation applied in modern international criminal law.